

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

И. ДМИТРАКОВ

ТЕОРИЯ АРИСТОКРАТИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА И ЕЕ РЕАКЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ

Богаты и плодотворны традиции русской прогрессивной демократической науки о народном творчестве, представленной именами Ломоносова и Радищева, декабристов и Пушкина, Белинского и Чернышевского, Добролюбова и Салтыкова-Щедрина. Немало потрудились для развития отечественной науки о фольклоре Худяков, Прыжов и другие последователи великих русских революционных демократов. Огромный и еще не учтенный труд, труд-подвиг выполнили русские революционные ученые, угнанные в ссылку на далекие окраины дореволюционной России. В тюрьме и ссылке продолжали большую работу такие исследователи народного творчества, как академик Пекарский, проф. Богораз-Тан, Викторин Арефьев (о нем, как о талантливом фольклористе, в молодом возрасте замученном царским самодержавием, с сердечной теплотой писали А. М. Горький, Л. Я. Штернберг и многие другие). В ссылке занимались проблемами народного творчества и краеведения Ф. Кон, В. Бонч-Бруевич, Ем. Ярославский и другие большевики.

Представители демократической фольклористики являются ее действительными и ведущими творцами. М. Горький с глубоким уважением отзывался о благородном, подвижническом труде русских прогрессивных ученых. Он с удовлетворением напоминал «о героизме, о мужестве, о непоколебимой преданности русских ученых своему делу — делу обновления, облагораживания мира и России»¹.

Эти слова М. Горького в полной мере применимы к лучшим представителям русской демократической фольклористики, создававшим науку в упорной и непрерывной борьбе с реакционными концепциями буржуазных ученых, — в борьбе против охранительных теорий в фольклористике, в борьбе с идеями так называемой исторической школы «школы» заимствования (компаративистов), формалистов и др. Реакционные концепции буржуазной фольклористики эпохи империализма разбиты. Их научная несостоятельность и реакционность вскрыты русской революционной фольклористикой. Но эпигоны антинародных концепций еще действуют в наши дни, особенно в странах капиталистической Европы и в США. Гнилые теории реакционной фольклористики используются в интересах империализма, проявляются в его идеологии — расизме, фашизме, буржуазном национализме, фашизме всех толков. Отголоски этих реакционных теорий имеют место и в отдельных работах некоторых советских ученых. Так, например, порочные построения Карла Бетера все еще пропагандируются на страницах наших учебников и научных книг, его научные заслуги преувеличиваются.

¹ Из письма М. Горького к академику А. П. Карпинскому (1927). Вестник Академии Наук СССР, 1942, № 7—8, стр. 8—9.

Еще имеют место отголоски чуждых нам традиций безидейной и антипатриотической буржуазной фольклористики. В работах отдельных советских фольклористов и литературоведов еще сказывается влияние бесплодных формалистических схем А. Веселовского. Примером тому может служить вышедшая в 1949 г. книга А. Я. Кайева «Русская литература. Учебник для учительских институтов». А Кайев не делает прямых ссылок на труды Веселовского. Однако, в соответствии с традициями буржуазной науки, истоки народного творчества он видит в пресловутом так называемом «первобытном синкретизме» искусства, в первобытных верованиях, анимизме, магии и т. д. А. Кайев преувеличивает роль обрядового и религиозного искусства на ранних стадиях общественного развития. Вместе с тем в этой книге скороговоркой и мало убедительно показано идейное — эстетическое и этическое значение фольклора как важного средства коммунистического воспитания советского народа.

В деле борьбы против пережитков реакционной буржуазной фольклористики конца XIX — начала XX в. велики заслуги М. Горького — гениального пропагандиста идей большевистской партии по вопросам народного творчества, основоположника советской фольклористики.

Окончательное преодоление пережитков враждебных народу антинаучных концепций реакционной фольклористики — актуальная задача советской науки о народном творчестве.

*

Период конца XIX и начала XX в. ознаменовался бурным ростом революционного рабочего движения в России, ростом боевой, наступательной энергии трудящихся. «С развитием капитализма в России рабочий класс становился могучей передовой силой, способной к организованной революционной борьбе»². Освободительная борьба русского рабочего класса приобрела международное значение. Центр мирового революционного движения переместился с Запада на Восток. Вполне закономерно, что родиной ленинизма стала Россия.

С другой стороны, империалистические группы в России становятся все более реакционными. Вместе с царским правительством капиталисты усиливают контрреволюционное наступление на рабочих, а помещики на крестьян. Расширяются и крепнут антирабочие союзы и организации, направленные на борьбу с поднимающимся рабочим классом.

Экономический кризис 1900—1903 гг. резко ухудшил положение масс. «В России вообще действие кризиса неизмеримо сильнее, чем в какой-нибудь другой стране, — писал Ленин. — К застою в промышленности присоединяется у нас голодовка крестьян... Рабочих и крестьян сближает теперь не только безработица и голод, но также и тот полицейский гнет, который отнимает у рабочих возможность соединения и защиты, отнимает у крестьян даже приходящую к ним от доброхотных жертвователей помощь. Тяжелая полицейская лапа становится во сто раз тяжелее для миллионов народа, потерявшего всякие средства к жизни»³.

Кровавый террор полицейско-самодержавного строя особенно усилился после революции 1905 г. В. И. Ленин так определяет действия правящей империалистической клики этого времени:

«Царское самодержавие, только надломанное, но не уничтоженное в 1905 году, собралось с силами, соединилось с помещиками и капиталистами в III Думе и снова ввело в России старые порядки. Еще сильнее стал гнет капиталистов над рабочими, еще наглее беззакония и произвол чиновников в городе и особенно в деревне, еще свирепее расправа с борцами за свободу, еще чаще смертные казни. Царское правитель-

² История ВКП(б). Краткий курс, стр. 12.

³ В. И. Ленин, Соч., т. IV, изд. 3-е, стр. 167.

ство, помещики и капиталисты бешено мстили революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию,—точно торотясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов»⁴.

В годы реакции острейшая классовая борьба вызвала переход подавляющего большинства буржуазных ученых на службу интересам капиталистов. Реакция пыталась вытравить из сознания народа в России великие революционные традиции и отвлечь массы от революции. Служа интересам империализма, буржуазно-либеральная интеллигенция тех лет начала яростный поход против всего революционного и демократического. Примером ренегатства буржуазных ученых был сборник «Вехи» (1909 г.), в котором предавалось поруганию русское освободительное движение с его героическими революционными традициями, с его материализмом, и проповедывалось «мирное социальное сотрудничество». «Веховцы» холопски выражали господствующей клике свои верноподданнические чувства и призывали «благословлять эту власть, которая,— писали они,— со своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

В. И. Ленин заклеил веховцев как прислужников денежного мешка. В статье «Наши упразднители» (1911) он писал, что веховцы служат капиталистам и землевладельцам, снабжая теоретическим оружием арсенал империалистов для идейно-теоретической борьбы против демократии и социализма.

Капиталисты не без успеха стремились заставить науку, литературу и искусство служить хищническим империалистическим целям. Буржуазными учеными и писателями усиленно проповедывался антидемократизм, крайний индивидуализм, принимавший все более агрессивный характер. В соответствии с интересами империалистической буржуазии поэтизировались «героические эгоисты», аморалисты, люди-хищники, «аристократические личности», коим «все дозволено» (декаденты З. Гиппиус, Минский, Игорь Северянин, Бальмонт и многие другие). Империалистическая буржуазия обретает своих апологетов в лице различных представителей декаданса (в его многих проявлениях): символизма, урбанизма, натурализма, акмеизма, формализма и др. В угоду империалистам буржуазные художники и ученые отвернулись от народа и народного творчества, отрицали общественные идеалы, хулили устную поэзию трудового народа, восхваляли демона, сатану, Люцифера, Иуду Искариота, зло (Ф. Сологуб, А. Ремизов, Л. Андреев и др.).

В буржуазной литературе насаждался культ провокатора. «Почти две тысячи лет люди полагали, что Иуда — человек, вовсе не заслуживающий ни подражания, ни похвал,— писал Горький.— Так думали Данте, Мильтон, Камюэнс, Гете, Гюго, Толстой, дерзкий Вольтер, Кардуччи и сотни других великих людей, коими гордится мир, но родился в России храбрый нигилист, и оказалось, что величайшие мыслители мира ошиблись в оценке Иуды... Он (т. е. писатель империалистической буржуазии.— И. Д.) вдруг Иуду начал славить и самоубийство предателя именует «царственным закатом»⁵.

За 7 лет до того, еще в 1905 г., Горький писал о декадентских изощрениях Ремизова — ранних проявлениях отказа от общественного долга писателя: «...Противно читать — так это грубо, нездорово, уродливо, и — намеренно уродливо... Входите в литературу точно в храм, — с фокусами, а не как на трибуну с упреком, мезтью... Вы предпочитаете баловаться, как гимназист, который бьет мух Библией»⁶.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 16, изд. 4-е, стр. 325.

⁵ М. Горький, «О современности» (1912). Литературно-критическая статья. М., 1937, стр. 132.

⁶ М. Горький, Письмо к А. М. Ремизову от 22 июля 1905 г. «Литературный современник», Л., 1933. № 1, стр. 151—152.

Эти правдивые слова Горького применимы ко многим буржуазным художникам и ученым данного периода.

Буржуазная наука старалась дать теоретическое обоснование и оправдание империализма. Она отстаивала «идеи» неизменности, вечности капиталистических отношений. Ученые апологеты империализма фабрикуют и пропагандируют «научное», «философское», «историческое» обоснование исключительных прав господ. Они приукрашивают и непомерно возвеличивают историко-культурную роль эксплуататорских классов и одновременно всячески принижают великое культурное значение деятельности «низов», т. е. трудовых эксплуатируемых масс, «маленьких великих людей» труда, как называет их Горький. Такова политическая позиция ряда буржуазных ученых того времени, таков выполняемый ими социальный заказ их хозяев империалистов. В этом кроется и одна из особенностей буржуазной фольклористики эпохи империализма.

Теории реакционных ученых, в том числе и фольклористов, становятся воинствующими, начиная с конца 80-х гг. Буржуазная «академическая» наука о фольклоре всячески возвеличивала исторические «заслуги» господствующих классов, заодно принижая великую роль трудового народа в деле создания устной поэзии. Тем самым осуществлялась грубейшая фальсификация русской истории вообще и истории русской народной поэзии и литературы в частности.

Трудовому народу отказывали в создании многовековой русской поэтической культуры. Авторство древних художественных произведений, как письменных, так и устных, приписывается аристократии: то «родовой аристократии» (В. А. Келтуяла, В. Ф. Миллер, Е. В. Аничков, Н. Халанский, И. Дашкевич и др.), то «аристократам духа» (Д. Н. Овсяннико-Куликовский и др.), то — вообще господствующим классам.

То была фальсификация исторического прошлого русского народа, коллективного художественного творчества масс, чинимая в угоду интересам капиталистических заправил. То была попытка ради корыстных интересов «верхов» унижить трудовой народ, отказать ему в художественном творчестве, в праве на наследование и развитие веками созданной культуры.

«Конец 80-х и начало 90-х годов, — писал Горький, — можно назвать годами оправдания бессилия и утешения обреченных на гибель. Литература выбрала героем своим «не героя», одна из повестей того времени так и была озаглавлена: «Не герой». ...Было много утешителей, примирителей и проповедников на тему: «Придите ко мне все страждущие и обремененные, и аз упокою вы». Философскую паутину на эту тему усердно ткал и человек такого высокого давления, как автор книг: «Исповедь», «В чем моя вера?» «Царство божие внутри нас» и т. д.⁷

«Утешали», в сущности обманывали, угнетенных. А с другой стороны, по-иному утешали «обреченных на гибель» аристократов пропагандисты «теории» аристократического происхождения фольклора. В своих реакционных взглядах на народное творчество они стояли на тех же позициях, что и представители буржуазной западноевропейской фольклористики. И те и другие отрицали творческую роль народа, возвеличивая роль господствующих классов и отдельных просвещенных личностей. Они выступали против фольклористических взглядов русских революционных демократов, учивших видеть в фольклоре отражение социальной жизни, общественных идеалов и освободительной борьбы народа. Понятия народной поэзии, народной словесности, народной мудрости квалифицировались как сомнительные в научном отношении, а то и вовсе как антинаучные. Утверждалось, что народ сплошь заимствует устные произведения, подхватывает и усваивает их в готовом виде у образованных,

⁷ М. Горький, О пьесах. См. сборник «О литературе». М., 1933, стр. 142.

правлящих «верхов» и что, «заимствуя», он снижает, портит, обедняет, разрушает, коверкает.

Реакционная сущность буржуазной фольклористики нашла свое характерное выражение в трудах Вс. Ф. Миллера и его учеников, соратников и последователей: А. М. Лободы, Н. Дашкевича, академика Владимира Мирцева и др., а также в работах А. Н. Веселовского и его последователей (Е. В. Аничков, проф. Бороздин и др.). Работы эти общеизвестны; часть их еще и сейчас расценивается как «авторитетное слово науки». При наличии некоторых расхождений между «историческим», компаративистским и формалистическим направлениями в фольклористике у них не было принципиальных разногласий по вопросам происхождения и классовой сущности фольклора. Так, у одного из видных представителей формалистического направления в фольклористике В. Н. Перетца, у основоположника «исторической школы» В. Ф. Миллера и у главы компаративистов А. Н. Веселовского наблюдается удивительное единство взглядов на этот вопрос. Все они, если отвлечься от оговорок, так или иначе недооценивали, а часто и откровенно отрицали значение трудового народа в создании устной поэзии и чудовищно преувеличивали «творческую миссию» господствующих классов.

Изучение народного реалистического творчества в его историческом развитии подменялось изучением реакционной религиозно-мистической словесности. В ретроспективных изысканиях сказывалась нарочитая архаизация, установка на «уход в прошлое». Исследование идейно-эстетических и этических богатств устной народной поэзии подменялось формалистическими штудиями по истории религии, особенно ее ранних стадий (А. Н. Веселовский, Е. В. Аничков; на Западе — Фрэнгер, Ланг и многие другие). Формализм, вытесняющий идейную проблематику, уход в мелочи, в скрупулезное исследование третьестепенных вопросов сочетались у них с пренебрежением к острым актуальным проблемам современности.

В связи с этим нельзя не вспомнить редакционную статью в газете «Культура и жизнь» — «Против буржуазного либерализма в литературоведении». В ней совершенно справедливо отмечено, что «при рассмотрении вопроса о традиции Веселовского необходимо учитывать еще одно обстоятельство. До второй мировой войны буржуазная реакция в науке о литературе была представлена в первую очередь немецким литературоведением, которое в лице различных своих представителей от Ганса Наумана до Бертрама пришло к открытой поддержке гитлеризма и реакционному мифотворчеству. ...Все мировоззрение А. Веселовского враждебно нам. Литература теряет у Веселовского свое великое человеческое, общественное значение. Она становится собранием внешних фактов письменности... предметом формальной эволюции и культурной техники. В целом Веселовский вполне примыкает к западно-европейской буржуазной социологии и теории культуры. Он полностью расходится с революционно-демократической традицией русской критики XIX века»⁸.

Сказанное здесь о Веселовском применимо и к правому, реакционному крылу «исторической школы» в фольклористике конца XIX — начала XX в., против концепции которой выступал и Максим Горький.

А. Веселовский, Вс. Миллер, его младший современник В. Келтуде и их единомышленники были не оригинальны в своих исходных теоретических построениях. Раньше их несколькими десятилетиями теория аристократического происхождения фольклора развивал в Германии не кто иной, как Ф. Ницше. В 1872 г. в работе «Происхождение трагедии»... Ницше утверждал, будто устно-эпические произведения древности отнюдь не являются творениями трудового народа. Еще более опреде-

⁸ «Культура и жизнь», 11 марта 1948, стр. 3.

ленно и последовательно этот тезис он проводил в книге «Веселая наука» (1882 г.) и в последующих книгах, где этот провозвестник фашизма прямо выступает против основных положений материалистической науки о фольклоре, провозглашая наукообразные основы для так называемой теории сниженной культуры, теории аристократического происхождения искусства, музыки, поэзии.

С «теорией» Ницше в ряде пунктов смыкался К. Бюхер, известный своими исследованиями о ступенях развития народнохозяйственных форм. Возникновение народной поэзии К. Бюхер обуславливал не общественно-полезной трудовой деятельностью человека как таковой, а прежде всего ритмом трудового процесса. Бюхер догматизирует понятие «ритма», пытается доказать, будто предметная деятельность человека основана главным образом на ритме и что она есть появление биологического инстинкта, а отнюдь не социального начала, что «животные грядутся тоже». Закон ритма Бюхер возводит в некий абсолют, в догму, в неизменное и вечное начало. Он пишет о «мировом значении ритма», о том, что «в отдаленные времена детства человечества, благодаря ритму, экономический принцип, заключающийся (по Шэффли) в стремлении получить максимум жизни и наслаждения при минимальной затрате жизненных сил, был понят совершенно инстинктивно»⁹. По Бюхеру, народная поэзия древности есть нечто неэстетическое, досоциальное, низменное и часто бессмысленное. Биологизирование фактически развенчивает человека в его общественно-полезной художественной деятельности, является разновидностью фрейдизма. К. Бюхер первобытного человека наделяет крайне индивидуалистическими чертами, «разобществляет» его. В своих схематических построениях Бюхер основывается на мысли о неизменности психо-физиологической сущности индивидуального человеческого труда.

Антиисторизм и реакционность воззрений К. Бюхера¹⁰ проявляются и в его взгляде на народное творчество как на сырой продукт «низов», «низших классов», якобы неспособных создавать подлинные художественные ценности.

В России последних лет XIX — начала XX в. Бюхер нашел себе пропагандистов среди людей, чуждых марксизму. Перед дутым авторитетом Бюхера раболепствовали легальные марксисты вроде Струве, а также вехисты, особенно С. Н. Булгаков (продлавший путь от легального марксизма до монархизма и религиозного мракобесия). Переводил и публиковал произведения Бюхера легальный марксист и мальтузианец Н. В. Водовозов, а также М. Н. Водовозова. Такие буржуазные ученые, как Вл. Динзо, Л. С. Зак, П. М. Кулишер, также популяризировали работы Бюхера, получившие в России шумное признание в 90-х и 1900-х гг.

Признанию «научных заслуг» Бюхера усердно способствовал упомянутый выше идейный враг Горького Е. В. Аничков. Выученик А. Веселовского, идеалист, после 1917 г. белоэмигрант Аничков в своих многочисленных работах о фольклоре опирался на концепцию Бюхера, превознося заслуги последнего. Более того, Аничков старался продолжать и развивать «теорию» Бюхера. «Выводы Бюхера о зарождении поэзии нам особенно важны, — писал Аничков. — Предложенная мною здесь теория зарождения песни из приемов... заклинания не только не противоречит теории Бюхера, но является ее дальнейшим развитием»¹¹.

⁹ К. Бюхер, Работа и ритм, перевод с немецкого С. С. Заяницкого, изд. «Новая Москва», 1923, стр. 296.

¹⁰ На враждебность взглядов К. Бюхера теоретическим положениям Маркса и на позиции Бюхера как представителя либеральной экономической науки указывал Б. И. Ленин в примечании ко 2-му изданию книги «Развитие капитализма в России» (В. И. Ленин, Соч., т. III, изд. 3-е, стр. 431).

¹¹ Е. В. Аничков, Весенняя обрядовая песня на Западе и у Славян, ч. I, СПб., 1905, стр. 313. — Характерно, что эту работу Аничков посвятил А. Н. Веселовскому.

Бюхера превозносили те же буржуазные круги, которые поклонялись Ницше. Об «ученых» заслугах Бюхера неумеренно говорится во многих учебных курсах и учебных пособиях для средней и высшей школы, а также в энциклопедических словарях и справочниках. К его голосу прислушивались многие буржуазные фольклористы и этнографы. «Ученые открытия» Бюхера и Ницше получили особое значение в годы реакции и были использованы для обоснования антидемократических концепций реакционных фольклористов рассматриваемого периода.

В буржуазной фольклористике тех лет наибольшее влияние и авторитет приобретает так называемая «историческая» школа, внесшая столько антиисторизма и идеализма в изучение основных проблем народного творчества. Главой и основоположником ее по праву считается Вс. Ф. Миллер (1848—1913). Начиная с середины 80-х гг., он опубликовал серию статей о русском народном эпосе. Собранные и изданные вместе статьи об отдельных былинах составили три тома «Очерков русской народной словесности», последний из которых был издан уже после революции¹². В 1892 г. Миллер публикует монографию «Экскурсы в область русского народного эпоса», которую он с полным основанием посвятил А. Н. Веселовскому.

И для самых ранних¹³, и для последующих работ Миллера характерна их антидемократическая направленность. В течение десятилетий Миллер твердил, что коллективное творчество трудового народа есть пустой вымысел, фикция. Он старался доказать, будто народа — автора великих поэтических произведений — в истории не было и «такого народа этнография, а тем менее история не может указать». Далее, продолжал Миллер, — «окажется такую же научной фикцией поэт — певец этого предполагаемого народа... Как же представить нам себе вообще появление многочисленных сюжетов? Кем они были измышлены? Коллективом, творчеством массы? Но ведь и это фикция, так как человеческий опыт такого творчества никогда не наблюдал»¹⁴.

А пятью годами раньше, в 1892 г. — в год выхода в свет первых горьковских сказок, созданных на основе устной поэзии трудового народа, — Вс. Миллер в своей книге «Экскурсы в область русского народного эпоса» утверждал, что основной жанр устной поэзии, героический эпос, есть не более чем ветхие развалины сооружения, созданного родовой и феодальной аристократией. Миллер отрицал народное происхождение Ильи Муромца и других героев русских былин. «Наш былевой эпос, — писал в своем методологическом «Предисловии» Миллер, — представляется мне грандиозной развалиной, обширным многовековым сооружением, полным таинственных ходов и переходов, с пристройками и надстройками от разных времен. В этом здании жили некогда князья, пристраивая к нему терема и вышки, украшая его византийской мусней и восточными коврами. В свое время пограбили в нем половцы и татары; в свое время проживали в нем московские бояре, ночевали казаки (Миллер имеет в виду казачью верхушку, ее правящую часть. — И. Д.), и наконец, в кое-каких еще обитаемых закутах устроился неприглядный олонекский крестьянин. И вот, бродя по загадочной руине, ардемог

¹² Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности. Былины, т. I, М., 1892; т. II, М., 1910; т. III, М., 1924.

¹³ Такой ранней работой является, например, исследование Миллера «О песне восточного Александра Веселовского» (М., изд. Синод. типографии, 1877). В этой работе Миллер обращается на известную идеалистическую теорию Бейфеля и эмпирицистские взгляды восточного Александра Веселовского. См. также его статью «Этнографическое обозрение» 1889, кн. II, стр. 1—36.

¹⁴ Вс. Миллер, Очерки русской народной словесности. Былины, М., изд. Синод. 1897, стр. 23—24.

открывает следы разных эпох, разных наслоений: то перед ним византийская фреска, то восточный орнамент...»¹⁵

Не приходится после этого особенно удивляться, если и великое творение древнерусского эпоса — «Слово о полку Игореве» Миллер выводил из иностранных образцов, главным образом из Византии.

В многочисленных статьях и книгах, а также с университетской кафедры, на протяжении многих десятилетий Вс. Миллер, в согласии с западноевропейскими буржуазными учеными, пропагандировал аристократическую «теорию» фольклора, реакционный смысл которой был разоблачен партийной печатью в 1936 г., но пережитки которой сохраняются в фольклористике и по сей час; это заставляет вновь напомнить о том, чьи интересы защищала и как их обосновывала «школа» Вс. Миллера. «Народ не создает, он только воспринимает готовое и искажает его», — вот один из основных тезисов в работах Миллера; творят «отдельные личности, профессионалы», а народ как коллективный творец — не более чем «фикция». Так, в согласии с Бюхером, учил Миллер.

Вряд ли можно согласиться с утверждением акад. Ю. М. Соколова, будто «крупным пороком» исторической школы было сначала недостаточное внимание к вопросу социальной, классовой природы произведений устной поэзии...» и что «в первых своих «Очерках», писанных в 90-х годах (см. т. I), Вс. Миллер почти не касался данной проблемы»¹⁶. На самом деле В. Миллер и другие представители «исторической школы» усердно и много занимались классовой природой фольклора¹⁷; но приходили они к выводам научно несостоятельным и реакционным.

Нельзя забывать, что на работах Миллера «учились» такие буржуазные «теоретики», как Келтуяла, М. Сперанский, Е. Аничков, А. Сонни и др. Названные ученые не являются столь крупными фигурами буржуазного литературоведения, как Буслаев, Миллер, Веселовский; но их работы — типичное явление своего времени, и, так как сущность их остается до сих пор нераскрытой, эти работы продолжают иметь хождение и даже безоговорочно рекомендуются некоторыми преподавателями вузов студентам для изучения курсов фольклора и литературы. Установление связи работ названных исследователей с реакционными концепциями «исторической школы» покажет недопустимость не критического отношения к ним.

В соответствии с отправными положениями Вс. Миллера, в начале XX в. писал о происхождении народной поэзии П. Н. Сакулин. И для Сакулина коллективность народной поэзии в то время была крайне сомнительной.

В 1905 г. он уверял читателя, будто «устную» поэзию первобытных племен нельзя считать исключительным продуктом общенародного творчества. И тут же добавлял: «Такое творчество (т. е. творчество простого народа — И. Д.) есть *фикция*, созданная романтическим пони-

¹⁵ В. Ф. Миллер, Экскурсы в область русского народного эпоса, М., 1892, стр. VI. В отправных положениях Вс. Миллер был близок многим буржуазным фольклористам начала XX в. В связи с этим становится совершенно ясным и то, почему В. А. Келтуяла многое переименовывает у Вс. Миллера, а в своем предисловии ко 2-й книге полного «Курса» прямо ссылается на авторитет Вс. Миллера и с великим одобрением приводит из «Экскурсов» последнего указанные нами выше строки, сопровождая их следующей ремаркой: «Эти слова, сказанные Вс. Миллером лет 20 тому назад, могли бы послужить исходным пунктом для установления подлинного творца бытового эпоса. Но, — с сокрушением, добавляет Келтуяла, — ...творцом былии упорно считается «народ». Советский фольклорист А. И. Никифоров как бы перекликается с Келтуялой, и приведенное выше уродливое утверждение Миллера находит ...«визначным по форме» (см. его во многом ошибочную, неудачную статью в т. I «Истории русской литературы», изд. АН СССР, 1941, стр. 238).

¹⁶ Ю. М. Соколов, Русский фольклор, Учпедгиз, 1941, стр. 92.

¹⁷ Уже в первый период своей научной деятельности Вс. Миллер рассматривал русский эпос с классовой точки зрения. Его «Экскурсы в область русского народного эпоса» (1892) имеют определенный социальный заказ: доказать, что эпос создан соответствующими классами, а не трудовыми массами.

манием народной души. Изучение первобытной поэзии приводит нас к более простому и верному заключению, что *активная роль во всем творческом процессе принадлежит отдельным личностям...*¹⁸

Однако самым ревностным соратником и последователем К. Бюхера и Вс. Миллера был не Сакулин, а Келтуяла, верный своим антиисторическим взглядам до самой смерти. Его работы получили еще большее распространение, чем исследования Вс. Миллера, и до самого недавнего времени рекомендовались как учебные пособия по курсам фольклора и древней русской литературы. В своих учебных «курсах» проф. Келтуяла воссоздает концепцию Миллера и схему Бюхера, хотя при этом и не делает прямых ссылок на работы последнего¹⁹. Рабски следуя в ряде случаев за Бюхером, Келтуяла заимствует у него тезис о происхождении народной поэзии и музыки из элемента повторяемости — из ритма, а в сущности — из физиологических факторов.

Но не в этом главный порок «Курсов» Келтуялы. Утверждения Бюхера о происхождении поэзии из ритма нужны Келтуяле для обоснования его излюбленного «главного» тезиса об аристократическом происхождении народного творчества. Не народ — труженик первобытной эпохи — создавал поэзию и ритм исполнявшейся им работы: «создателем поэзии является высшая власть». В полном согласии со своими старшими соратниками Бюхером, Миллером, А. Н. Веселовским Келтуяла писал: «...Участие отдельных лиц в создании первобытных песен было не одинаково: главная и активная роль в их создании принадлежала руководителю общественного труда — патриарху-старейшине; второстепенная и пассивная роль принадлежала подчиненной части патриархально-родового общества, которая лишь повторяла за своим руководителем напевы и слова песни.

С увеличением патриархально-родового общества из группы патриархов-старейшин постепенно выделяются жрецы, волхвы, певцы, специальность которых состоит, между прочим, в том, чтобы создавать новые устные произведения и хранить древние»²⁰.

Тут все ясно и все неверно: древняя родовая аристократия, а затем жрецы, волхвы, потом церковники — вот кто, по Келтуяле, заложили основу устной поэзии; только «образованные верхи» способны организовывать и творить новое и гениальное, удел «низов» — грубая мускульная работа да повторение чужих напевов.

Несколькими годами раньше Келтуяла выдвинул и резко подчеркнул тезис о том, будто не только устный эпос, но и фольклор в целом — продукт не трудового народа, а высшей знати, правящих кругов. «Все роды и виды устного творчества, — изрекал Келтуяла, — зародились не в народной массе, а в ее верхах. На этом основании я в своем «Курсе» избегаю выражений «народная словесность», «народная поэзия», «народное творчество...»²¹.

¹⁸ П. Н. Сакулин. Первобытная поэзия (в связи с вопросом о процессе народно-поэтического творчества), изд. Педагогического об-ва при Московском университете, М., 1903, стр. 26 (Курсив Сакулина — И. Д.)

¹⁹ В историографии не отмечено влияние работ К. Бюхера на книги В. Келтуялы. Нам не известно, во всяком случае, ни одного такого указания.

²⁰ В. А. Келтуяла, Краткий курс истории русской литературы для средних учебных заведений, ч. I, кн. I, изд. 2-е. СПб., 1912, стр. 115—116. Следует отметить, что в педагогической и научной работе Келтуяла вынужден был делать отступления от отстаиваемой им бесплодной схемы. Все работы его, как и других исследователей «исторической» школы, полны кричащих противоречий. Таких же противоречий полны труды Вс. Миллера. В них порочные исходные конструкции сочетаются с отдельными интересными наблюдениями и правильными положениями. Не утратили известной научной ценности работы Миллера по фольклору северных осетин. Нельзя забывать, что русскими буржуазными фольклористами и этнографами собрано, учтено, систематизировано и отчасти опубликовано огромное количество фольклорных материалов, но вместе с тем методология их остается антидемократической.

²¹ В. А. Келтуяла, Курс истории русской литературы, ч. I, кн. 2, СПб., 1911, стр. VIII.

Высокохудожественные песни, сказки, пословицы и былины русского народа рассматривались Келтуялой в искаженном виде как продукт «ведов», как создание всего лишь «одного процента населения». Одновременно Келтуяла пользовался приемами школы заимствования (компаративистов) в объяснении происхождения тех или иных поэтических мотивов, сюжетов, образов. Так, в образе русского богатыря Ильи Муромца автор видит... иноземца-норманна.

Концепция Келтуялы была реакционной и антидемократической, была одним из проявлений буржуазной реакции на укрепление марксизма в России. Это может быть подтверждено и следующим забытым фактом. Когда в некоторых отзывах на «Курс» Келтуялы были высказаны предположения о близости его взглядов к учению Маркса, то Келтуяла разразился злопыхательским по отношению к марксизму ответом, где показал себя апологетом имущих классов, врагом революции, типичным буржуазным позитивистом и эклектиком. Келтуяла подчеркивал свое принципиальное расхождение с «экономическими материалистами» (как он называет марксистов) в следующих пунктах: 1) экономикой он ставит на третье место, а не на первое; 2) публицистический момент в исследовании он целиком отбрасывает; 3) методом своим он провозглашает чистый объективизм. Чтобы у читателя не оставалось никакого сомнения в его политической позиции, Келтуяла уточнял свое расхождение с материализмом. Материалисты, изображая прошлое,— писал он,— «подвергают отношения между древними классами такой же страстной оценке, как и отношения между современными: они не скрывают своих враждебных чувств к «феодальному» классу и симпатии к «народу» и соответственными красками рисуют роль первого и положение второго»²².

Принося значение народа в деле создания устной поэзии, Келтуяла чудовищно преувеличивал роль имущих классов. «Из аристократии выделяются наиболее выдающиеся мыслители, поэты, писатели, носители высшей древней нравственности. Национальная культура всякого народа, в том числе и русского, национальное мировоззрение, устные и письменные произведения создаются в древности не «народной массой»..., а представителями аристократии, и уже отсюда переносятся в среду низших классов, где подвергаются соответственным переработкам на протонародно-демократический лад». «Таковы основные положения,— писал Келтуяла,— которыми проникнуты мои «Курсы» и которые я сознательно противопоставляю общепринятым в современной русской демократии положениям»²³.

Гнусный, контрреволюционный смысл этих «положений» не требует комментариев.

«Отрицание за народом его культурно-исторической работы», «вехизм»,— так определял Горький смысл концепции Келтуялы. Буржуазная же печать, в противоположность оценке А. М. Горького, превозносила «работу» Келтуялы. Его полный «Курс» (свыше 1700 страниц), вышедший в свет в годы реакции (1906—1911), был одобрен печатью правых общественных кругов России. О «Курсе» писали как об «очень отрадном событии в научном мире». Подавляющее большинство литературных журналов также приветствовало его выход. При всем «различии» и «своеобразии» рецензентов, в основных положениях их оценки сходились. Методологические основы «Курса» ими преподносились как «последнее слово научной мысли».

В журнале «Вестник воспитания» прив.-доц. П. Н. Сакулин поместил восторженную статью о «Курсе» Келтуялы. Отмечая лишь отдельные, частные пробелы в «Курсе», П. Сакулин в его общей оценке нашел

²² В. А. Келтуяла, Краткий курс истории русской литературы для средних учебных заведений, ч. I, кн. 1, изд. 2-е, 1912, стр. VII—VIII.

²³ Там же, стр. VIII—IX.

возможным заявить: «Редко рецензенту приходилось испытывать такое чувство полного удовлетворения, какое выносишь из чтения книги г. Келтуялы». Ибо, продолжал Сакулин, «...в своем анализе историко-литературных явлений он свободен от односторонностей марксизма»²⁴. П. Н. Сакулину вторили прив.-доц. Московского университета Н. Виноградов, известный буржуазный литературовед и библиограф И. В. Владиславлев и ряд других. Откликнулся редакционной статьей и журнал «Русское богатство», который, усердно излагая концепцию Келтуялы, тем не менее давал хвалебную оценку книге²⁵.

Даже Плеханов, не свободный от влияния буржуазно-либеральных ученых и в силу своих меньшевистских взглядов, тоже не вскрыл весь реакционный смысл методологии Келтуялы, как прежде не вскрыл всю порочность построений Бюхера — одного из духовных учителей Келтуялы²⁶.

Антипатриотическая направленность концепции Келтуялы сказалась и в его работах послереволюционного времени. Он до конца дней остался верным антидемократической методологии²⁷.

Рассмотренные особенности концепции Келтуялы свидетельствуют о том, что в ней нашли отражение идеи ренегатства, сменевеховства, контрреволюции, справлявшей свое гнусное торжество после поражения революции 1905 г. Это была воинствующая реакционная концепция, направленная против революционной демократии, против принципов русского прогрессивного литературоведения, против революционного марксизма в России. Именно так понял книгу Келтуялы А. М. Горький, активно боровшийся с вредной антимарксистской концепцией «ненародности» народного творчества²⁸.

Не приемлемы были для Горького и вызывали его решительный отпор построения и другого столпа буржуазной фольклористики Д. Н. Овсяннико-Куликовского (1853—1920), в своих работах часто затрагивавшего те же вопросы, которые глубоко волновали и Горького: происхождение фольклора, вопросы идейной, эстетической и этической

²⁴ «Вестник воспитания», 1906, № 7, стр. 1.— В годы советской власти П. Н. Сакулин сделал своей научной работой немало полезного и важного и многое пересмотрел в своих взглядах и от многого неверного отказался. Тем не менее он до конца дней своих не смог стать марксистом.

²⁵ «Русское богатство», 1906, ноябрь, стр. 150—152.— «В основу своего изложения,— писалось в статье,— Келтуяла кладет идею о классовом происхождении и характере всей древнерусской литературы первого периода... Ни смерды, ни рабы и закупы литературы не имеют; литература поэтому делится на княжеско-дружинную и церковную. Княжеско-дружинное творчество распадается на устное (былины) и письменное...». Но это не помешало журналу похвалить книгу: «Книга Келтуялы написана хорошо. Она... разбивает множество патриотических легенд...»

²⁶ В статьях Плеханова «Курс» Келтуялы рассматривается в плане абстрактно-логическом и оценивается с объективистских позиций. Неудивительно поэтому, что Плеханов пишет хвалебные строки об «ученых заслугах» Келтуялы, «труд которого,— по его мнению,— несмотря на некоторые частные заблуждения, все-таки замечательно» (Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, кн. I, Соч., т. XX, М.—Л., 1925, стр. 41). Вместо того, чтобы дать принципиальную марксистскую оценку концепции Келтуялы, Плеханов выясняет узкий и отнюдь не главный вопрос о соотношении исторических взглядов В. О. Ключевского и автора «Курса».

²⁷ То, что Келтуяла и в советское время оставался далеким от марксизма, явствует из его последних работ. Теорию аристократического происхождения фольклора он неизменно проповедывал в своих книгах, вышедших в свет в 30-е гг. XX в. (см. его книгу «Метод истории литературы. Схема историко-литературного исследования», М., 1928, изд. «Академия»; «Былины», Дешевая б-ка классической литературы серии, ГИЗ, М.—Л., 1929 и др.). Здесь аристократическая теория фольклора сочетается с пошлым социологизированием под марксизм: чего, например, стоит его взгляд и убогие домыслы о хвастовстве как «источнике» древнерусского эпоса («Былины», стр. 166—167). Эту порочность келтуяловской схемы хорошо указал П. М. Лебедев-Полянский в статье «Историко-материалистический метод проф. Келтуялы» («Печать и революция», кн. 8, М., 1926, стр. 94—101).

²⁸ См. статьи и переписку А. М. Горького 1906 г.

значимости творений древнего эпоса, народность устной поэзии и т. д. Но решал их Овсяннико-Куликовский совсем иначе, чем Горький.

Сын крупнейшего украинского помещика, в молодости увлекавшийся левым марксизмом, Овсяннико-Куликовский никогда не был активным участником той или иной партии, но его симпатии, как и у В. Миллера, были на стороне кадетства. К началу 90-х гг. у Овсяннико-Куликовского не осталось и следа от той оппозиционной настроенности, которая была в какой-то мере свойственна ему раньше. Он особенно поправел после революции 1905 г. Народнические и социалистические идеи и даже столь пленивший его культ науки теперь представлялись ему «шаблонными идеями», «истинами», принятыми на веру. Овсяннико-Куликовский стал представителем так называемого «психологизма» или «панпсихологизма».

Философскую позицию Овсяннико-Куликовского следует признать махистской, субъективно-идеалистической. Наука определялась Овсяннико-Куликовским как «познание и разработка идеи бесконечного в его космических формах», а искусство — как дающее нам то же самое в формах «человеческого выражения».

Овсяннико-Куликовский, работавший над проблемами психологии творчества, явился пропагандистом искусства, «свободного» от политических тенденций. «Всякая доктрина, — писал он, — хотя бы самая гуманная и демократическая, вредна для поэзии, еще не окрепшей. Поэзия, по самой сути своей, требует свободы творчества, широких вдохновений, и ей нельзя — под опасением исказить ее — указывать: воспевай то или другое, пой так, а не иначе, твори в этом, а не в том направлении»²⁹.

В вопросах фольклористики Овсяннико-Куликовский выражал идеи, противоположные взглядам революционных демократов, взглядам Горького. Для Овсяннико-Куликовского русский народный эпос — нечто сомнительное, смутное, обманчивое и аморфное. Он пишет о «неясных очертаниях нашей эпической поэзии, наших былин, в которых народное, крестьянское «миросозерцание» проявилось как-то обманчиво, двусмысленно и загадочно». Одну из самых поэтических русских былин — былинку о Святогоре, о которой с восхищением высказывался Горький как о бессмертном создании русского народа, — Овсяннико-Куликовский не хочет признать за продукт народного творчества; для него это «как раз одна из темных былин»³⁰.

Что же удивительного, если Овсяннико-Куликовский, как и Келтуяла, не признавал народные устные произведения — песни, сказки, былины и т. д. — за творчество трудового народа. «В настоящее время, — писал Овсяннико-Куликовский, — можно считать установленным положение, что героический эпос (в том числе и такой, как поэмы Гомера. — О.-К.) — не народного, не крестьянского происхождения, а «господского». Он возникал всегда в среде привилегированных классов, при дворах князей и феодалов, в кругу дружинников и т. д.; это был некогда эпос «господский», а не мужицкий, и для характеристики народного миросозерцания он не представляет надежного материала»³¹.

В этих утверждениях Овсяннико-Куликовский менее всего оригинален. Перенимая многое у Э. Маха, Штейнталя, Бюхера, В. Миллера, Веселовского и других буржуазных ученых, он на этот раз перекликается с предшественником фашистов — Ф. Ницше. В самом деле, именно Ницше «доказывал», что эпос вообще и древнегреческий эпос Гомера, в частности, не имеет ничего общего с народным творчеством, с поэзией

²⁹ «Одесские новости», 1886, № 589, стр. 2, ст. «Литературно-общественные заметки» (подпись Д. Куликовский).

³⁰ Д. Овсяннико-Куликовский, История русской интеллигенции, т. VIII, ч. II, изд. 5-е, СПб., 1914, стр. 156.

³¹ Там же, стр. 157.

трудовых масс. Как известно, Ницше неоднократно старался представить поэмы гомеровского цикла как продукт гениального одиночки, противостоящего коллективу. Наиболее разительна в этом отношении его статья «Гомер и классическая философия»³².

С «идеями» Ницше Овсяннико-Куликовского сближало и отрицание народного, трудового происхождения устной поэзии всех времен и народов.

Если Келтуяла приукрашивал, в уголу буржуазии, заслуги древней аристократии, то Овсяннико-Куликовский возвеличивает «аристократов духа». В отрицании роли простого народа в создании фольклора оба проявляли «трогательное единство». Народное поэтическое творчество, — утверждал в «Истории русской интеллигенции» Овсяннико-Куликовский, — ...вовсе не коллективное, а почти то же личное творчество, как и то, которое принадлежит образованным классам. Песня, былины, сказки и т. д. создаются не массой, а отдельными лицами, отдельными умами и талантами, обособившимися и вышедшими из рамок «сплошной» народной психологии и воспринявшими продукты чужого творчества (чужого в классовом, так же и в племенном смысле), созданные раньше»³³. Выступая против демократической фольклористики, он пишет: «Можно еще указать на ошибочность мнения, будто народ «сплошным творчеством» создал быль, сказку, песню, поговорку, нравоучительную повесть и т. д. Все это — продукты личного, а не коллективного творчества...»³⁴.

«Как в философии и науке, — утверждал Овсяннико-Куликовский, — так и в религии мы имеем результаты многовековой умственной деятельности не масс, а представителей высшей мысли, с их школами, направлениями, борьбой мнений и учений, наконец, с проявлениями таланта и гениальности»³⁵.

Итак, по Овсяннико-Куликовскому творцом духовной культуры является не народ, а «представители высшей мысли». Овсяннико-Куликовский вряд ли мог иначе относиться к народному творчеству, оставаясь на порочных исходных основах и придерживаясь «пункта» о том, что трудовые массы «всегда пассивны» и что «каратаевщина и обломовщина являются национальными чертами народа»³⁶.

Исследование народного творчества Овсяннико-Куликовский подменял подчас исследованием «народных верований», считая религию основой (если не системой) народного мировоззрения. Касаясь своего эстетического кредо, он на склоне лет утверждал, что залог лучшего будущего скрывается в религиозной самодеятельности. «Признаки же народной самодеятельности, — писал он, — я усматривал исключительно в расколе и сектантстве... Раскольники и сектанты — настоящие *культурные пионеры* среди обнищавшей косной и темной народной массы.»³⁷

Перепуганный размахом революции 1905 г. Овсяннико-Куликовский все больше чуждался передовых интересов народа, не прислушивался к его запросам, чаяниям, замыкался в узком мирке «панпсихологизма»,

³² Предшественник фашизма Ницше в названной статье отбрасывает «с порога» положение о том, что народ творит поэзию. Он характеризует это исходное положение как «суеверие» (Фр. Ницше. Полн. собр. соч., под ред. проф. Ф. Зелинского, изд. «Моск. книгоиздательство», т. I, 1912, стр. 13—14).

³³ Д. Овсяннико-Куликовский, Соч., т. VIII, 1909, стр. 163.

³⁴ Там же, стр. 158.

³⁵ Д. Овсяннико-Куликовский, Соч., т. VI, изд. 2-е, СПб., 1911, стр. 36.

³⁶ Овсяннико-Куликовский пытался провести прямо-таки чудовищную параллель между великим русским полководцем Кутузовым и... Обломовым и Каратаевым. См. Д. Овсяннико-Куликовский, Собр. соч., т. III, изд. «Общ. польза», СПб., 1909, стр. 67—70, 71 и др.

³⁷ Д. Овсяннико-Куликовский, Воспоминания. П. 1923, стр. 2—3 (Курсив О.К.). — В этом отношении у Овсяннико-Куликовского было много единомышленников с Е. Аничковым.

уходил в «науку для науки», в ряде своих исследований давая «теоретические обоснования» декаданса. «Моя жизнь,— признавался он на склоне лет,— неудержимо тянется ко всему болезненному, психопатическому, безумному и преступному, и в сложном чувстве, вызываемом во мне этим порядком явлений, я различаю, с одной стороны, любопытство, с другой — отвращение»³⁸. Исповедь эта говорит сама за себя. Ведь даже в свою «лучшую пору» Овсяннико-Куликовский не пошел далее легального марксизма, с помощью которого, по словам Горького, «слишком торопливо натягивали европейский костюм марксизма на русский зипун народничества»³⁹.

О том, насколько фольклористическая концепция Овсяннико-Куликовского враждебна взглядам Горького, свидетельствует их переписка⁴⁰. В ней, кроме проблем фольклористики, затронут и вопрос о роли буржуазной интеллигенции в создании культуры, непосредственным поводом для обсуждения которого послужил выход в свет работы Овсяннико-Куликовского «История русской интеллигенции».

Горький свидетельствовал, что концепция Овсяннико-Куликовского сродни проповеди Келтуялы и что они враждебны материалистическому пониманию истории культуры.

К Овсяннико-Куликовскому, как и к Келтуяле и к В. Миллеру, применимы слова Ленина, характеризующие буржуазно-либеральных интеллигентов в годы «вех», в годы реакции. В. И. Ленин говорит: «Вехи» «только» против демократии... Русский либерализм оказался достаточно «ловким» политиканом, чтобы назвать себя «демократическим» в целях борьбы с демократией и подавления ее самостоятельности. Таков обычный и нормальный способ действия всякой либеральной буржуазии...»⁴¹

Такие фольклористы, как А. Веселовский, В. Миллер, Келтуяла, Овсяннико-Куликовский, Е. Аничков и другие, доказывали зависимость устной поэзии русского народа от иностранных образцов. Они извращали художественное творчество народов России, стремясь представить его подражательным; вместе с тем о богатствах русской поэзии они говорили невразумительно, скупо, на что обратили внимание даже современные им иностранные ученые⁴².

Реакционные построения исторической школы фольклористики, наиболее откровенно и ярко выраженные в книгах В. Келтуялы, отразивших всю глубину падения буржуазной науки в мрачные годы реакции после первой русской революции 1905 г., характерны для последнего этапа капиталистического строя — для империализма. Традиции этих концепций еще полностью не преодолены. Их отзвуки слышатся в фольклорной серии «Библиотеки поэта», изданной «Советским писателем», в учебных пособиях для вузов Ю. М. Соколова и Н. П. Андреева, по которым и сейчас еще работают студенты, в курсе древней русской литературы, изданном АН СССР, в «Трудах Отдела древней русской лите-

³⁸ Там же, стр. 8.

³⁹ М. Горький, Н. Ф. Анненский. Соч., изд. 2-е. т. XXII, М., 1933, стр. 172.

⁴⁰ Переписка А. М. Горького с Овсяннико-Куликовским хранится в Архиве Горького. Часть этих материалов опубликована в т. III «Материалов и исследований», изд. АН СССР, 1941.

⁴¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVI, изд. 3-е, стр. 125.

⁴² См., например, В. I. Guerneu. — A Treasury of Russian Literature, N. Y., 1943, стр. IX—X. «Ни одна другая страна.— писал Герни,— не обнаруживает такой курьезной склонности к самоуничижению в своей критике. Словом, положение таково, что Россия не может назвать былины своею собственностью потому, что Скандинавия имела свои саги, Исландия свои Эдды, Германия свою Песню о Нибелунгах. Однако достоверно известно, что немецкий фольклор и норвежская сага заимствовали русского Илью Муромца». Герни проболтался о том мутном, отравленном источнике, из которого «заимствуют» современные реакционеры от науки в США, Англии и др. капиталистических странах. Одним из таких источников являются работы представителей «теории» аристократического происхождения фольклора. Из этого источника «заимствует» и сам Б. Герни.

ратуры» Пушкинского Дома и других работах. Приходится констатировать, что борьба с «теорией» «исторической школы» в советской фольклористике и литературоведении продолжается. Вместе с тем следует сказать, что в Советском Союзе вульгарно-социологическая «историческая школа» сохранилась только в пережитках, в основном она у нас разгромлена. Зато в условиях капиталистических стран Запада она еще живет полной жизнью и имеет своих многочисленных адептов. Советская фольклористика должна повести решительную борьбу за подлинную науку о народном творчестве и оказать необходимую помощь зарубежным ученым в преодолении вредных концепций. Это — одна из важнейших задач в наше время. Антидемократические и псевдо-научные концепции народного творчества должны быть до конца преодолены; наука должна окончательно освободиться от пут, сковывающих ее и мешающих свободно идти вперед.

М. Горький был глубоко прав, когда говорил на I съезде советских писателей в 1934 г.: «Имеется полное основание надеяться, что, когда история культуры будет написана марксистами, мы убедимся, что роль буржуазии в процессе культурного творчества сильно преувеличена, а в области литературы особенно сильно».

Трудящиеся массы являются создателями немеркнущих материальных и духовных ценностей. «Народ не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры»⁴³.

⁴³ М. Горький, Разрушение личности, 1903.